

Я Есмь Свет

Тот что был до твоего имени

Куликов Игнат

Игнат Куликов

Я Есмь Свет, тот что был до твоего имени

<https://litres.ru/74120601>

SelfPub; 2026

Аннотация

В нашем мире есть инструкции ко всему: от утюга до космического корабля. Но самое сложное явление во Вселенной — наше сознание — мы получаем при рождении без руководства. Этому не учат в школе.

Роль учителя играет сама жизнь, забирая невосполнимую плату — время. Эта книга написана, чтобы сберечь тебе этот ресурс.

Автор — не психолог и не академик. Это электромонтажник с красным дипломом по ракетным двигателям, прошедший через тюрьму, зависимости и полное дно. Он написал эту книгу по чертежам, по которым собирал себя из пепла.

Здесь нет эзотерики и «успешного успеха». Только нейробиология, физика и древняя мудрость, переведённые инженером на человеческий язык.

Ты узнаешь:

Как «древний кабель» в шее управляет эмоциями.

Что такое триединство ума и как пауза перенастраивает мозг.

Почему вера в себя — это не магия, а понимание: «Я — динамический процесс, который можно изменить. Я — скульптор и скульптура в одном лице».

К концу пути ты не станешь умнее — ты вернёшь себе истинную ценность.

Содержание

От автора	5
Пролог. Ошибка, которая спасла мир	11
Глава 1. Путь длиной в сто тысяч лет	15
Глава 2. Граница, где гаснет свет	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Игнат Куликов

Я Есмь Свет, тот что был до твоего имени

От автора

Знаешь, что такое техника бесконтактного боя? Когда ты слышишь эту фразу, в голове, скорее всего, всплывают кадры из фильмов про восточные единоборства. Мастер взмахом руки отправляет противника в полёт без единого касания. Многие считают это магией или обманом. Но настоящая техника бесконтактного боя не имеет отношения к спорту. Это слово — простая, обычная фраза, сказанная в нужный момент, с нужной интонацией и на нужной частоте. Мало кто понимает, что слово — это не просто колебание воздуха. Это информационный вирус. Волна, которая проникает в разум другого человека, обходит все защиты логики и начинает жить там своей собственной жизнью. Одно слово может поселиться в голове и разрушить человека изнутри, заставить его сомневаться, бояться, сдаваться. А другое слово — точно так же, без единого касания — может собрать его заново, дать опору и зажечь внутренний свет. Эта книга — сборник таких слов. Это попытка передать тебе частоту, ко-

торая не разрушает, а настраивает.

Когда я был ребёнком, я смотрел на взрослых с благоговением. Мне казалось, что они обладают тайным знанием, что они прочитали какую-то невидимую инструкцию под названием «Как правильно жить», знают устройство этого мира и понимают, куда мы все идём. Я думал: «Вот я вырасту, стану взрослым — и тоже буду всё знать».

Но когда вырос, меня ждало самое большое разочарование в жизни. Я понял одну простую и отрезвляющую истину: взрослые не знают ничего. У них нет тайной инструкции. Они не понимают, как устроен мир, зачем он начался и куда движется. У взрослых просто нет времени задаваться этими вопросами. Их сознание полностью поглощено решением простых, бытовых, житейских проблем: как оплатить счета, что приготовить на ужин, как выжить в этом месяце. Суета съела их способность удивляться.

Меня всегда поражал этот парадокс. У каждого, даже самого дешёвого бытового прибора в этом мире есть чёткая инструкция по эксплуатации. А самый сложный, совершенный и филигранный механизм во Вселенной — наше собственное тело и наше сознание — мы получаем при рождении вообще без какого-либо мануала. И этому не учат в школе. Я начал свой собственный поиск длиною в жизнь, пытаюсь найти эту инструкцию, и только сейчас осознал то, что кажется до смешного ироничным.

В этом мире нет никакой абсолютной истины. Всё, что

человек авторитетно произносит, является правдой лишь в рамках его текущих суждений и границ его видения. Мы всю жизнь отчаянно ищем своего Пастуха — внешнего гуру, мастера или умную систему, которая придёт и скажет нам, как надо жить. Но самый лучший, безупречный Гуру всегда был прямо перед нашими глазами. Это сама Жизнь. Через свою боль и через свою радость она ежеминутно даёт нам чистые, незамутнённые уроки. Но наша животная, автоматическая потребность любой ценой избегать боли и судорожно искать удовольствие переворачивает всё с ног на голову. Мы бежим от уроков Жизни, прячемся от них в концепциях правоты и строим вокруг себя глухие стены.

Я рос в то время, когда доступного интернета ещё не существовало. Тогда сложно было даже представить, что придёт эпоха, когда одним нажатием клавиши будут открываться бесконечные базы данных и видеоуроков. Чтобы узнать что-то новое, нужно было буквально добывать информацию: искать в пыльных библиотеках, выпрашивать книги у знакомых, переписывать абзацы от руки. В седьмом классе я читал термодинамику, электрохимию и прочие сухие учебники из институтской программы, потому что мне до безумия было интересно, как всё работает. Многие из них никто никогда не снимал с полок нашей библиотеки за все тридцать лет её существования. Мой ум находился в поиске цельной картины. И больше всего в то время я любил серию книг «Всё обо всём». Мне нравилось, что они не загоняли меня в уз-

кую специальность. Ты брал один том и узнавал понемногу обо всём: от строения атома до падения Римской империи, от поведения муравьёв до законов астрофизики. У меня возникло понимание, что только так и можно познавать мир: разбить его на части, досконально изучить каждую и собрать воедино.

Чем старше я становился, тем сильнее меня тянуло к истокам. Как всё началось? Что такое сознание? Почему мёртвая материя вдруг решила посмотреть на саму себя моими глазами? Инструменты поиска менялись с развитием науки. Философские трактаты сменялись нейробиологией и квантовой механикой.

Я написал эту книгу для того, чтобы предложить тебе остановиться. Просто на минуту. Вырваться из бесконечного потока суеты, дедлайнов, новостей и бытовых проблем. Я приглашаю тебя совершить неведомое путешествие. А для полного погружения в атмосферу этой книги была написана песня-саундтрек «Я есмь свет». Это манифест о дуальности материи, сотканной из волны и частицы, проявленной внутри каждого из нас. Это не дуэт двух исполнителей. Это резонанс начал: мужского и женского, действия и принятия, ясности и глубины, огня и воды. Материя дуальна. Она вечно расколота на противоположности, которые борются друг с другом. И единственный способ примирить этот раскол, выйти из вечной войны — осознать триединство ума. Когда три фундаментальные силы внутри тебя перестают тянуть

внутренний воз в разные стороны и начинают звучать в унисон, рождается та самая тишина, в которой живёт настоящий голос. Включи этот трек перед чтением. Закрой глаза. И позволь слову начать свою работу.

Ссылка на платформу, с которой ты сможешь: послушать песню, посмотреть клип, вступить в сообщество. <https://taplink.cc/project.unborn>

ОТСКАНИРУЙ МЕНЯ

Пролог. Ошибка, которая спасла мир

Человечество заблуждалось. И это прекрасно.

Заблуждение — не провал. Это семя, которое пробивает толщу асфальта, чтобы увидеть солнце. Мы думали, что счастье находится вовне. В вещах. В деньгах. В чужих оценках и одобрительных кивках. Мы строили внешний мир с неистовством слепых муравьёв. Нам казалось: если снаружи будет идеальный порядок, то и внутри наконец-то наступит долгожданный покой.

Это была ошибка. Самая грандиозная. Самая необходимая. Потому что именно она привела нас к главному открытию. К тебе. К тому, кто ты есть на самом деле.

Оглянись. Лица в транспорте, в утренних очередях, в бесконечной ленте новостей. Ты увидишь там не радость. Ты увидишь усталость. Глубокую, всепроникающую усталость от внешнего шума. Мы научились летать быстрее звука и видеть сквозь стены, но внутри — там, где живёт настоящее, подлинное «я», — по-прежнему царит тревожная тьма. Мы не знаем, кто мы. Мы так и не научились слышать себя и мир, в котором живём.

Посмотри вокруг. Каких высот достигла наука! Какие тех-

нологии нас окружают! Мы расщепили атом, отправили исследовательские аппараты к самым границам Солнечной системы, создали искусственный интеллект, который пишет картины и сочиняет музыку. Мы держим в кармане устройства, способные за секунду связать нас с любым человеком на планете. Мы живём в мире, который ещё пятьдесят лет назад показался бы людям чистым волшебством.

Но эта же наука, при всём её колоссальном могуществе, до сих пор не может ответить на самый первый, фундаментальный вопрос: кто ты?

Да, она в деталях объясняет, как работают нейроны. Как сокращаются мышечные волокна. Как делятся клетки. Но она не способна объяснить, как из этой биохимии возникает твой личный внутренний мир. Твоя способность чувствовать боль, радость, любовь. Твоё базовое ощущение, что ты существуешь. Наука разбирает тебя на мелкие части, но не может собрать обратно. Не может повторить. Не может воссоздать этот зазор сознания. Потому что ты — самое высокотехнологичное чудо во Вселенной. Сложнее любой квантовой системы. Точнее любого атомного часового механизма. Глубже любой чёрной дыры.

Но мы не видим этого. Мы упорно ищем чудеса снаружи. Ждём, что кто-то придёт и докажет нам, что жизнь имеет смысл. Что Вселенная подаст какой-то особый знак. Что произойдёт нечто невероятное, и тогда мы наконец почувствуем себя живыми.

Но истинное чудо — это ты сам. Прямо сейчас. В этот самый момент. Тот факт, что ты читаешь эти строки. Что ты способен декодировать и понимать их. Что внутри тебя бьётся сердце, которое сделало уже миллиарды ударов без единой системной ошибки. Что твой мозг прямо сейчас обрабатывает триллионы сигналов, создавая для тебя эту осязаемую голограмму мира.

Но мы обесценили это чудо. Мы перестали его замечать. Потому что не знаем, как работает наш собственный аппарат. Потому что никто не дал нам понятную инструкцию. Потому что нас учили всему, кроме главного — как быть собой.

Внутри каждого из нас с самого рождения тянут в разные стороны три силы. Помнишь басню Крылова? Лебедь рвётся в небо — это наши амбиции, страсть, желание взлететь. Рак пятится назад — это наши страхи, прошлый негативный опыт, осторожность. Щука тянет в воду — это наши привычки, инерция, желание просто плыть по течению выживания. И пока эти трое враждуют, наш внутренний воз стоит на месте. Мы тратим всю дефицитную энергию на внутреннюю борьбу, и у нас просто не остаётся сил на самую жизнь.

Эта книга — не учебное пособие. Не сухая инструкция. Она — явление. Она пришла, чтобы на мгновение остановить этот изнуряющий внутренний конфликт и прошептать: «Ты — не твои проблемы. Ты — не твои достижения. Ты — процесс. Ты — свет, который научился осознавать сам себя». И это не эзотерическая метафора. Это строгая физи-

ка. Но физика настолько совершенная, что её легко можно принять за чудо. Мы пройдем путь одного луча. От самого сердца звезды до твоего мозга. Увидим, как чистая энергия становится плотной материей. Материя — живой биологией. Биология — мыслью. Научимся слушать тишину и различать три ноты, из которых соткана твоя персональная симфония.

К концу этого пути ты не станешь умнее. Ты станешь другим.

Ты согласишься на солнце и увидишь не просто далёкое светило — ты увидишь свой исток. Ты согласишься на себя и увидишь не просто анатомическое тело — ты увидишь непрерывный процесс. Грандиозный, космический процесс, который длится миллиарды лет и впервые достиг точки, где может взглянуть на себя со стороны. Твоими глазами Вселенная смотрит на саму себя.

А для глубины понимания этого процесса я прямо сейчас познакомлю тебя с Иванушкой. Инженером-электронщиком, который потерял всё, кроме способности дышать. Он стоит на рельсах, и до рассвета — целая ночь. Ночь, которая изменит всё.

Глава 1. Путь длинной

в сто тысяч лет

Иванушка шёл по шпалам. Рельсы уходили в темноту, словно две бесконечные линии, которые никогда не пересекутся. Он чувствовал себя именно так — линией, которая давно потеряла направление.

В голове, как заевшая пластинка, крутилось одно и то же. Последнее совещание в мастерской. И подпись Кости на документах. Подпись человека, с которым они начинали в гараже, с одним осциллографом на двоих.

Они начинали в гараже. Серый, обшарпанный гараж в промзоне. Один осциллограф на двоих — старенький, с треснувшим экраном, который они перепаяли трижды. Тогда у них не было денег на нормальную пайку, и они брали дешёвый припой, который давал ужасные холодные швы. Но они верили: главное — не качество пайки, а идея.

— Семёныч, — сказал Костя в тот вечер. Они сидели на ящиках из-под запчастей, пили чай из пластиковых стаканчиков. — Мы прорвёмся. Я чую, эта схема — наше всё.

Иванушка помнил глаза Кости. Горячие. Бешеные. Такие глаза бывают только у людей, которые верят в мечту так же сильно, как ты сам.

— Ты главное — не останавливайся, — продолжал Костя.

— Я прикрываю спину, ты разрабатываешь. Команда.

Тогда Иванушка верил. Он верил в Костю так же сильно, как в себя.

Потом пришли деньги. Первые серьёзные деньги. Они сняли офис — не гараж, а настоящий офис, с кондиционером и переговорной. Костя надел костюм. Перестал пить чай из пластиковых стаканчиков — теперь у него была кружка с логотипом компании.

— Это бизнес, Семёныч, — сказал он однажды, когда Иванушка предложил поделиться патентом с другим разработчиком. — Ты слишком добрый. Так дело не пойдёт.

Иванушка тогда не придавал значения. Подумаешь, деловая хватка. Костя всегда был жёстче.

Он не помнил, когда именно Костя перестал быть тем парнем из гаража. Когда его глаза перестали гореть идеей и начали гореть деньгами. Но последнее совещание он помнил до миллисекунды.

Костя сидел во главе стола. За его спиной висел плакат с их первой схемой — той самой, которую они перепаяли в гараже. Ирония: Костя повесил его как символ успеха. Для Иванушки это был символ предательства.

— Семёныч, ну ты пойми, — Костя развёл руками. Его голос был мягким, даже участливым. Как у врача, который сообщает, что придётся ампутировать ногу. — Бизнес есть бизнес. Инвесторы хотят видеть управляемую структуру. Ты... ты слишком сложный человек. Ты споришь. Ты сомневаешь-

ся. Ты не даёшь им чувства контроля.

Иванушка молчал. Он смотрел на документы, которые Костя положил перед ним. Договор о передаче долей. Компенсация — смешная, на один год аренды этого офиса.

— Ты продал меня, — тихо сказал Иванушка. — За что? За этот стол? За кресло?

Костя не ответил. Он просто пожал плечами — как будто вопрос был глупым, как будто так и надо. Иванушка тогда вышел. Он не хлопнул дверью. Он просто вышел, сломав карандаш в кармане, которым чертил те самые схемы.

Теперь, на рельсах, он вспомнил ещё одну деталь. Последнюю подпись Кости. Он размашисто, по-хозяйски, расписался на документах. Той же рукой, которой они когда-то держали паяльник. Той же рукой, которая когда-то хлопала его по плечу: «Семёныч, мы прорвёмся».

— Ты не прорвался, Костя, — прошептал Иванушка в ветер. — Ты просто пересел. Ты пересел в мой кабинет, за мой стол, на мои идеи. Ты не построил свою схему. Ты взял мою. И продал.

Он сжал кулаки. Боль была — острая, как вчера. Но теперь рядом с ней появилось что-то другое. Не прощение. Понимание.

Он вдруг увидел Костю — не как предателя, а как человека, который тоже чего-то боится. Боится, что его идеи недостаточно хороши. Что он не удержится на вершине. Что всё рухнет. И он готов был продать друга, чтобы избавиться от

своего страха.

— Я бы так не смог, — сказал Иванушка. — И это единственное, что меня спасает.

А потом была тишина в трубке, когда он звонил Косте впервые после всего. И упакованные чемоданы Лены в прихожей. «Ты не слышишь меня, Иван. Ты слышишь только свои схемы».

Он помнил этот вечер до миллиметра. Не потому, что хотел помнить. А потому, что мозг врезал эту сцену в нейроны, как клеймо.

Лена стояла у окна. Спиной к нему. В руках она держала кружку — ту самую, с трещиной на ободке, которую он всё собирался заменить, но так и не купил новую. Её пальцы сжимали фарфор так сильно, что побелели костяшки. Он тогда не заметил. Он орал.

— Ты вообще понимаешь, что я пытаюсь построить? Что я вкалываю ночами, пока ты спишь? Что у меня на кону стоит всё?

Она молчала. Только плечи дрогнули. Но он не увидел — он смотрел в свои чертежи, разложенные на столе.

— Я не прошу тебя верить в меня на слово! Я прошу тебя просто не мешать! Не обесценивать каждый мой шаг!

Лена медленно повернулась. В её глазах стояли слёзы, но она не плакала. Она смотрела на него так, будто видела в первый раз. И в этом взгляде было что-то, чего он не понял тогда. Сейчас, стоя на рельсах, он понял: это был взгляд че-

ловека, который уже принял решение. Который уже знает, что уходит. И который в последний раз пытается увидеть в тебе того, за кого выходила замуж.

— Иван, — тихо сказала она. — Я не обесцениваю твои схемы. Я боюсь, что ты перестал замечать, что за этими схемами есть я.

Он тогда фыркнул. Отмахнулся.

— Ах, драма! Я работаю, чтобы у нас было будущее, а ты устраиваешь сцены!

Она поставила кружку на подоконник. Очень аккуратно. Как будто боялась разбить последнее, что у них оставалось.

— Ты когда-нибудь слышал, как я дышу, Иван? — спросила она. — Не в постели. Не когда мы ссоримся. Просто — рядом. Когда я стою на кухне и варю кофе. Ты слышал мой выдох?

Он молчал. Он не знал, что ответить.

— Я не слышу твоего дыхания уже два года, — сказала она. — Я слышу только твои планы. Твои расчёты. Твои обиды на Костю. Я стала твоим зеркалом, в которое ты смотришься, чтобы убедиться, что ты есть. Но я устала быть зеркалом.

Она вышла из кухни. Через час он услышал, как открылась входная дверь. И щелчок замка, который он запомнит навсегда.

Он не побежал за ней. Он вернулся к чертежам. К своим расчётам. К своей «гениальной схеме», которая в итоге ни-

чего не спасла.

Теперь, стоя на рельсах, Иванушка закрыл глаза. Впервые за два года он позволил себе услышать её голос. Не тот, последний, а тот, первый — когда она смеялась над его глупыми шутками в гараже, когда они пили дешёвое пиво и мечтали, что однажды у них будет своя мастерская. И он вдруг понял, что самое страшное в той ночи было не её уход. А то, что он даже не попытался её остановить. Потому что был уверен: он прав. А она — просто не понимает.

— Я не понимал, — прошептал он в темноту. — Я не слышал тебя, Лена. Я слышал только себя.

Теперь у него не было ни мастерской, ни друга, ни жены. Только пачка сигарет в кармане, несколько просроченных кредитов и холодное октябрьское небо над головой. Он больше не знал, кто он. Инженер без дела. Муж без семьи. Человек, который разменял свой огонь на пепел.

Дрожащей рукой он вытащил сигарету, щёлкнул зажигалкой. Огонёк осветил осунувшееся лицо. Глубоко затянулся. Дым обжёг горло, но не заглушил подступающую изнутри панику.

И тут он почувствовал взгляд.

Иванушка медленно поднял глаза. В двух шагах от него, прямо на насыпи, стоял человек. Нет — не человек. Фигура, сотканная из ночного тумана, лунного света и абсолютного покоя. Она не подошла. Она просто была здесь. И от неё веяло таким спокойствием, что Иванушке на мгновение стало

страшно.

— Ты кто? — хрипло спросил он, сжимая зажигалку. — Галлюцинация? Я слишком злоупотребил вчера, да? Или ты такой же бедолага, как и я?

— Я тишина, которую ты заглушил шумом, — ответил незнакомец. Голос звучал не в ушах, а где-то глубоко в груди. — Можешь звать меня Джин.

Иванушка замер. Потом нервно усмехнулся.

— Ага, джинн... Только тебя мне и не хватало. Ну давай! Построй мне дворец! Золота насыпь! Хочу, чтобы всё вернулось. Чтобы Костя ответил за всё. Чтобы Лена... — он осёкся.

Джин не рассмеялся. Он просто смотрел — спокойно и грустно. Как смотрят на ребёнка, желающего луну.

— Ты хочешь клетку из ржавой стали поменять на золотую? Но клетка останется клеткой. Дворец не согреет душу, если в ней погас огонь.

Усмешка сползла с лица Иванушки. Он вдруг почувствовал себя уставшим. Не физически — а насквозь, до костей.

— Во мне уже не осталось огня, — прошептал он. — Во мне только пепел.

— Ты путаешь пепел с углём. Пепел — это то, что сгорело безвозвратно. А уголь — это свет, который ждёт, пока его раздуют. Ты не пепел, Иван. Ты забыл, из чего сделан.

«Откуда он знает моё имя?» — мелькнула мысль, но Джин уже продолжал.

— Ты думаешь, мир несправедлив и у тебя нет сил? Но что, если именно эти невыносимые трудности способны выковать истинный шедевр? Ты бежишь от уроков Жизни. А она — твой единственный Гуру. Она учит тебя прямо сейчас. Через этот тупик.

Иванушка молчал. В траве у насыпи тихо шелестел ветер. Джин вдруг замер. Тишина сгустилась. А потом он заговорил — медленно, ритмично, как будто каждое слово было каплей, падающей в бездонный колодец.

— Сейчас я расскажу тебе историю одного луча. Того самого, что греет твою щёку весной. Ты думаешь, он просто летит от Солнца к Земле? Восемь минут — и вот он. Нет.

В сердце звезды, в адском, бурлящем ядре, рождается фотон. Крошечный квант света. Он отчаянно хочет вырваться наружу. Но недра звезды не отпускают его. Там невообразимое, чудовищное давление. Миллиарды тонн раскалённой плазмы сжимают его. Поглощают. И переизлучают снова. И снова. И снова.

Фотон мечется в этом огненном тупике. Сталкивается с атомами. Теряет энергию. Набирает её снова. Ему некуда бежать. Он в ловушке. Сто тысяч лет.

Сто тысяч лет его сжимает, ломает и переплавляет давление среды.

И только пройдя через этот ад, набрав предельную зрелость, он наконец вырывается в открытый космос. И становится чистым, свободным светом. Джин замолчал. Молча-

ние длилось долго. Потом он посмотрел Иванушке прямо в глаза.

— Ты думаешь, твоя жизнь — тупик? Нет. Ты сейчас в ядре своей звезды. Каждое предательство, каждая потеря, каждая ночь, когда ты плакал от боли — это не кара. Это давление, которое куёт из тебя чистый Разум, необусловленный внешними обстоятельствами.

Иванушка почувствовал, как по спине пробежал холод. Он увидел свою жизнь иначе: не как череду поражений, а как толщу плазмы, сквозь которую его сознание рвётся к свету.

Он машинально потянулся за сигаретой. Привычка.

— Стоп, — голос Джина стал жёстким. — Что ты делаешь?

— Нервы успокоить.

— Ты не успокаиваешь. Ты умышленно вводишь в свой процессор деструктивную программу — вирус.

Иванушка замер. Эти слова ударили точнее любой проповеди. Он же инженер. Он знает, что такое процессор и вирус. Он посмотрел на сигарету в своих пальцах. Она вдруг оказалась ему не спасением, а паразитом.

— Я сам себя ломал, — прошептал он. — Каждый день.

— Ты просто не знал, как устроен, — мягко сказал Джин. — Твоя сущность подобна пламени. И только ты выбираешь: гореть ровным, чистым светом или коптить.

Иванушка разжал пальцы. Сигарета упала на щебень. Он наступил на неё тяжёлым ботинком.

— Я больше не хочу коптить. Я хочу к поверхности. Как тот фотон. Но я не могу, мне не хватает сил, поддержки.

— Нет, дело вовсе не в этом. Ты просто свою же силу обращаешь против себя. Первое, с чего следует начать, — научиться слышать тишину. Живую тишину между мыслями. Паузу, в которой живёт твой настоящий голос. Но прежде пойми: куда попадает звёздный свет. Ты думаешь, ты просто смотришь на мир? Нет. Ты его поглощаешь. Твои глаза — это не окна, Иванушка. Это чёрные дыры.

ГРАНЬ НАУКИ

Описанное в главе сравнение работы мозга с процессором, поражаемым вирусом, не просто метафора. Никотин является алкалоидом, который связывается с ацетилхолиновыми рецепторами в центральной нервной системе, вызывая выброс дофамина и имитируя естественный сигнал «награды». Формирующаяся зависимость меняет структуру синаптических связей, вынуждая систему требовать новую дозу для поддержания хрупкого равновесия. Алкоголь — это химический депрессант. Он глушит одни сигналы в мозге и искажает другие, заставляя систему работать на износ. При хроническом употреблении нейроны гибнут, а миелиновые оболочки — те самые, что изолируют нервные пути, — разрушаются. Эти вещества — действительно «деструктивные вирусы», поражающие биологический «процессор» человека.

Дисклеймер:

Данная книга не является медицинским руководством. При клинической депрессии, панических атаках, зависимостях и суицидальных мыслях описанные дыхательные и ментальные практики не заменяют обращения к квалифицированному психотерапевту или психиатру. Если вы чувствуете, что не справляетесь, — обратитесь за профессиональной помощью. Это не слабость, а осознанный шаг к свету.

Глава 2. Граница, где гаснет свет

Ночь стала глубже. Ветер усилился, но Иванушка больше не чувствовал холода. В центре грудной клетки, где ещё полчаса назад давила свинцовая тяжесть, зажглась крошечная, нестерпимо яркая искра.

Иванушка сидел на остывающем камне у насыпи, глядя в темноту. Слова Джина о фотоне всё ещё звучали в груди. Он поднял руку, коснулся лица. Пальцы замерли напротив глаз.

— Ты сказал, мои глаза — чёрные дыры. Но чёрные дыры только разрушают. Разве я разрушаю мир, когда смотрю на него? Разве я его пожираю?

Джин вышел из тени. Лунный свет проходил сквозь него, будто он был соткан из самого воздуха.

— Ты путаешь разрушение с превращением. Чёрная дыра — это граница невозврата. Ни одна частица, ни один луч света не могут вырваться обратно. А теперь посмотри на свой зрачок. Почему он чёрный? Потому что он — такая же граница. Фотон, пересёкший её, никогда не вернётся во Вселенную. Твой глаз поглощает свет целиком.

Иванушка нахмурился.

— Но куда он девается? Энергия не может просто исчезнуть.

— Он умирает. И в этом — парадокс твоего интерфейса, — голос Джина звучал тихо, но каждое слово обладало

огромным весом. — Фотон бессмертен. Он летит миллиарды лет сквозь ледяную пустоту космоса. Он видел рождение галактик. Для него нет времени — на скорости света оно замирает. Он вечен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.